

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Оформление серии *К. Гусарева*

Редактор серии *О. Басова*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Длинная тень греха : [роман] / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины).

ISBN 978-5-04-107549-1

Любовь с первого взгляда — возможно ли такое в наше время? Оказывается, да! Встретив Влада Хабарова, юная Олеся поняла: вот он, ее родной и единственный. Только Хабаров испугался чувств бесшабашной девчонки, которая ни с того ни с сего подошла к нему и пригласила к себе домой. Да и не до любви ему было — все мысли о разводе с изменщицей-женой... Пока Влад думал, кто-то убил его неверную супругу. Конечно же, все улики против него. И никто не верит в его невиновность: ни милиция, ни друзья. Верит лишь Олеся. Но кого убедят доводы влюбленной девушки?..

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-107549-1

ГЛАВА I

От жгучего мороза трещало все в природе. Да и в его жизни тоже. И жизнь сама, казалось, трещала по швам, которые он любовно ладил последние пятнадцать лет. Стежок за стежком. День за днем. Год за годом. А потом полетело все куда-то в тартарары — со страшным свистом. Сначала, правда, медленно катилось. Заметное ускорение гораздо позже наметилось — года четыре назад. И с тех пор... И с тех пор по накатанной вниз. Без остановки.

Влад, тяжело вздохнув, приоткрыл один глаз. Электронное табло будильника показывало половину пятого. Вставать было ему рано. Вот если бы часом позже, тогда можно и не мучиться, а смело вылезать из кровати. А сейчас... Сейчас это совершенно некстати. Начнет ходить по квартире — непременно кого-нибудь разбудит, потому что полы скрипят. О том, чтобы посмотреть на кухне телевизор, нечего и думать, наверняка нарвется на недовольный окрик. В ванную тоже нельзя. Шум воды вообще полдома разбудит. К тому же кран горячей воды что-то повизгивает. Починить бы, да все некогда.

Влад осторожно перебрался ближе к краю кровати, дотянулся до оконной шторы и слегка ее отодвинул.

Снова мороз, ну что ты будешь делать! Окно запорошило так, что даже на подоконнике спальни лед. Давно пора стеклопакеты ставить. Те, говорят, не промерзают. Давно-то давно, но... Пора еще не настала.

Вообще-то, будь его воля, он бы, может, многое тут поменял. Начал бы с окон, а закончил... женой.

От этой мысли Влад похолодел.

Надо же, он ведь впервые так подумал. Впервые за пятнадцать лет их совместной жизни и впервые за четыре последних — особо несчастных — года. Никогда прежде он даже мысли такой не допускал. Никогда! А тут вдруг в пятницу, в половине пятого утра взял и допустил. Допустил возможность нормального существования без жены. А разве оно вообще возможно подобное существование?! Пятнадцать лет — это ведь не пятнадцать дней. Это же целая жизнь, наполненная счастьем, надеждами, ожиданием. В конце концов, не все и не всегда было так плохо.

Сразу вспомнилось, как высвистывал ее на свидание под окнами общежития. В прямом смысле, высвистывал! Она высунется в окошко на втором этаже, рукой махнет и минут через пять-десять выпорхнет из дверей общаги. И тут же бегом к нему: руки вразлет, глаза сияют, губы улыбаются...

Ох, уж эти ее губы! Он ведь половину своей жизни думал только о них и, казалось, не насытится ими никогда. Разве мог он тогда предположить, что эти губы способны произносить.

Он вдруг, не заботясь о старых пружинах матраса, резко повернулся к жене и положил свою руку ей на талию. Даже не шевельнулась! Как лежала спиной к нему — она теперь всегда спиной к нему

засыпала и просыпалась, — так и продолжила лежать. А раньше! Стоило ему ногой шевельнуть, тут же тянулась к нему всем телом. И могли ведь, не заботясь о времени, любить друг друга до изнеможения. Единственное, о чем всегда беспокоились, так это чтобы пацана за стенкой в соседней комнате не разбудить. Нельзя было, чтобы он слышал, как методично и осторожно поскрипывает старый матрас под ними. И еще, как, задыхаясь, душат они в себе тот последний крик. Сын не должен был слышать и догадываться, что его предки так же, как и в кино, все еще могут.

Влад невесело усмехнулся. Могут-то могут, только вот не хотят. Редко, ох как редко, стали допускать его до тела. То голова болит, то дни не те, то усталость невероятная валит с ног, то... А то и просто видеть его не желают. Глаза их на него не смотрели бы, уши не слышали бы, и так далее и тому подобное. Странно еще, что спать продолжают в одной постели. Негде просто, наверное, больше, потому что укладываются день за днем под одно одеяло.

Марина вдруг вздрогнула, напряглась и медленно, двумя пальцами стащила его руку с себя.

Ну вот! Что, собственно, и требовалось доказать. Снова его не хотят.

Ну и ладно! Влад со злостью отвернулся. Не очень-то и хотелось! Нет, так нет! Ему и в самом деле надоело навязывать себя, будто товар второсортный.

— Дурак ты, Владюха! — в прошлую пятницу вдруг произнес его старый друг и соратник Андрюха Анохин, когда они пили пиво в баре за углом.

— Почему? — вяло поинтересовался тогда он, хотя был согласен на все сто.

— Да потому! Позволяешь иметь себя, как угодно! Разве это по-мужски?! — возмутился Андрюха. — Нет! И вообще, давно пора тебе запомнить, что в этой жизни либо ты имеешь, либо тебя имеют! А тебя разве только попугай ваш не имеет! Маринка, Веник твой, теща... Последнюю я давно бы удавил собственными руками...

— Нельзя, дружище! Статья!

Влад при упоминании о теще тут же загрузил.

Давным-давно, в юности, ему казалось, что плохих людей не существует в природе. Каждый может быть в равной степени как хорошим, так и не очень. Поступки человека, думал он, провоцируются средой обитания, уровнем воспитания и образованности. А иногда и обстоятельствами. Последние могут так припереть, что любой хороший и идеальный индивидуум способен превратиться в зверя. И, собственно, не так уж Влад и ошибался. Но вот теща...

Галина Степановна, наверное, уже родилась отвратительной. Отвратительной как снаружи, так и изнутри. Она просто... Просто была средоточием зла, зависти и неприязни ко всем, кто не разделял ее точку зрения.

Влад не разделял, потому и не властвовал. Поэтому и называл его Андрюха дураком, не обосновательно полагая, что его все имеют. Все, кроме их попугая.

Пора заявить о своих правах. Давно пора, но Влад решил только вчера. Робко так, не в полную силу, но голос был подан.

Что он сделал?

А он попугая их семейного подарил маленькой девочке, что жила с родителями этажом выше и

очень хотела птичку. Вот Влад и осуществил детскую мечту.

Что будет, когда Марина проснется и обнаружит пропажу? Она же еще не знала об этом, и Вениамин — их сын — тоже. Влад сделал это тайком ото всех, измучавшись просыпаться каждое утро в половине пятого от мерзкого стрекотания и набрасывать на клетку с вопящим попугаем старую Венькину пеленку.

Вот странное дело! Как щебетал попугай, никто кроме него не слышал. А стоило Владу скрипнуть половицей, так тут же недовольство...

Надо же, попугая теперь уже нет, а он все равно проснулся в половине пятого.

Ладно, зато у него в запасе целых полтора часа. Можно подумать в спокойной, тихой обстановке. Потом ее не будет. Марина проснется и поднимет шум из-за Кешки. Снова станет ругаться, оскорблять, проклинать тот день и час, когда согласилась на брак с ним. Потом она примется звонить своей маме и...

Вечером Галина Степановна непременно появится у них. Будет испепелять его гневными глазами и шипеть ему в спину (в лицо не осмеливается), какой он бездушный, черствый и тривиальный.

Кто же из них двоих: Маринка или ее мама впервые назвали его тривиальным? Теперь разве вспомнишь! За четыре года чего он только не услышал от мамы с дочкой.

Тривиальный... Банальный... Несовременный...

Во всем! Во всем буквально несовременен и прозаичен, как ломоть черного черствого хлеба! Это Маринка умничала.

Интеллигент от сохи. Инженер с грязными ногтями. Кулибин без штанов. Это уже тещин аккорд.

Может, в чем-то они были и правы, эти бабы. Может, и обижаться не стоило. Только... Только не мог и не хотел он по-другому. И плевать, что его однокурсники через одного в бизнес большой и малый подались. И деньжищами теперь ворочают, и на крутых тачках по городу разъезжают. А жены их не горбятятся в больницах на приемах, а по курортам катаются. Ему на это было плевать!

— Кому-то ведь надо и людей лечить, Марин, — резонно возражал он жене поначалу, еще лет пять назад. — И иномарки, на которых ездят мои однокурсники, чинить тоже кому-то надо. Вот я их и чиню.

— Ну почему ты?! Почему обязательно ты должен чинить, а они ездить?! Почему не наоборот?! И почему я должна рассматривать гнилые гланды стариков, а не сидеть в это время на теннисном турнире в Мельбурне?!

— А зачем там сидеть-то? — всерьез недоумевал Влад. — Его по телику транслируют. Смотри, не хочу! Им там жарко, они газетками обмахиваются, морщины лишние на солнце зарабатывают. А дома на диване красота...

— Ты банален, как двухшовные семейные трусы! — ага, значит, все-таки Маринка первая заявила об этом в полный голос. — Ты же без пяти минут кандидат наук, а под ногтями у тебя вечный слой мазута вперемешку с отработанным машинным маслом! У тебя просто гордости нет, Хабаров!

— Да ну! Гордость у меня есть, Мариша. Просто я не пытаюсь прожить чужую жизнь. Я хочу своей собственной жить. И она меня вполне устраивает. Ну, чего ты, в самом деле...

Это была, пожалуй, первая, пробная волна ее недовольства — возникла стихийно и почти сразу исчезла. Они быстро перевели разговор в другое русло. А потом и вовсе забыли, из-за чего же они спорили пять минут.

Он сам все испортил. Сам, своими руками и своими благими намерениями.

Ох, как часто потом он вспоминал старую народную мудрость: не делай добра — не получишь зла. И еще одну чуть посовременнее: хотел как лучше, а получилось как всегда.

Влад имел несчастье преподнести своей жене, в качестве подарка на годовщину их свадьбы, приглашение на презентацию одного модного нашумевшего фильма.

Когда-то давно один юморист утверждал, что все его проблемы в жизни начались с того, что он имел несчастье подарить своей жене и дочке гольфы.

Несчастья Хабарова начались как раз с этого злополучного билета.

Идиот! Как ругал он потом себя, как ругал!..

Нужно было плюнуть на срочный заказ и отправиться на презентацию вместе с Маринкой. Он не плюнул, за что его, собственно, и ценили клиенты. И отправил жену вместе с тещей. Сколько работал над замороженной японской электронной начинкой, столько умилялся тому, какой он молодец. Как удачно все устроил.

Закончил работу, принял душ и усталый и довольный вернулся домой. Вернулся, а там никого. Нет. Венька, конечно, спал давно. Маринки не было. А ведь должна была уже вернуться, времени то было уже три часа ночи! Кинулся звонить на мобильный — абонент недоступен. Позвонил теще и, по-

крываясь ледяным потом, стоял и ждал: ответит или нет.

Ответила, сука старая! Тогда, правда, он так о ней еще не думал. И даже мамой называл.

— Мариша уехала вместе с компанией за город, Владюша, — широко зевая, объяснила теща.

— С какой компанией?! Что за компания? Там же сплошь незнакомые ей люди! И мобильный не отвечает почему-то. Я беспокоюсь, мам, вдруг что-то случилось! — правда, от сердца у дурака немного отлегло: раз за городом, значит, все нормально, то есть жива и здорова.

— Мобильный Мариша отключила, чтобы звонки не мешали. А в компании, Владюша, все приличные люди. Не стоит тебе беспокоиться. Ложись и отдыхай, устал наверняка. Она вернется утром, скорее всего. Заночуют там же.

— Да где там-то?! Где? Под березами?

— Ну почему сразу под березами? — воскликнула теща, заметно раздражаясь. — Они поехали к какому-то режиссеру или сценаристу, точно не помню, на дачу. Их там человек двадцать. Все взрослые люди. Не потеряется твоя жена, вернется. Не беспокойся и ложись спать.

Спать он улегся, хотя и беспокоился. Задремал на удивление быстро. Правда, сны видел гадкие и неприличные, отчего проснулся в холодном поту. Выпрыгнул из кровати и кинулся из спальни, успев лишь отметить, что времени уже десять утра, а постель рядом с ним по-прежнему пуста. Неужели еще не вернулась?..

Маринка сидела на кухне и накачивалась зеленым чаем. Любила она эту дрянь. Особенно если вечером выпивала немного спиртного.

— Ты что пила? — первое, что спросил он, усаживаясь в одних трусах за стол напротив жены.

— Я? — она кокетливо повела голыми плечами, на ней все еще было вечернее платье. — Так немного, чисто символически. Как спалось, дорогой? Как ты, в порядке?

Это было что-то новенькое.

Таких пустых вопросов, заимствованных у киношных героев, он не терпел. И ей об этом было известно. А все равно спросила. С чего бы это?..

— Марин... Посмотри на меня, — потребовал Хабаров, обхватил ее тонкое запястье пальцами и потянул ее руку к себе. — Посмотри на меня!

Она посмотрела, но как! Во взгляде было столько холодного вызова, столько презрительного превосходства, что Хабарова моментально пот прошиб.

Что-то произошло там — за городом, понял он сразу. Что-то гадкое, что-то омерзительное, как обрывки из его кошмарного сновидения.

— Только не нужно ничего драматизировать! — воскликнула Мариша, безошибочно угадав его панический страх. — Все нормально, Владя! Все в порядке. Все в полном, полном порядке..

Порядок оказался относительным.

Через неделю выяснилось, что жена решила поменять работу. Кто-то кому-то позвонил. Кто-то кого-то попросил, посодействовал, и Мариша из районной поликлиники перевелась в загородный санаторий. Поначалу простым врачом. А потом и главным заделалась. Из дома жена уезжала затемно и возвращалась так же. По выходным ее тоже дома не бывало. И отпусков у нее не стало. Какие отпуска, она и так круглый год в санатории, восклицала Марина со смехом..

Влад вздохнул тяжело и, чуть приподнявшись на локте, снова посмотрел на жену.

Она проснулась и лежала теперь, не шелохнувшись. Притворялась спящей! Марина так часто делала в последнее время. Будто он дурак совершенный и не понимает ничего. Он все понимает. И тогда сразу все понял, по ее блуждающему, ускользящему взгляду, по ее лихорадочному румянцу на щеках. Понял, что в ту ночь что-то безвозвратно было потеряно, что-то, что не вернется к ним уже никогда.

— А ты бы ее!.. — учил его потом Андрюха. — Я бы лично ее!..

Андрюха, может, и сумел бы, а вот он — Хабаров Владислав Дмитриевич — не мог ничего с этим поделаться. Ни с ней, ни с собой.

Он все оставил как есть. Зажался, скорчился, запекся рваной раной в сердце, и оставил все, как есть. И даже не спросил ее ни о чем.

Нет, однажды все-таки спросил.

— Ты?.. Ты изменяешь мне, Марина?! — у него даже голос сел до свистящего шепота, настолько чудовищным все это казалось: и измена ее и вопрос этот.

Она рассмеялась в ответ и обозвала Хабарова тривиально несовременным.

Во как! И уехала снова на работу. А он потом еще три дня думал над ее словами в свой адрес. И к началу четвертого вдруг понял, что она не так уж и ошибается.

Он и в самом деле старомоден. Во всем, без исключения!

У него старомодные представления о любви, сексе и семье. Он всегда считал, что одно плавно пе-

ретекает в другое и потом, как следствие, заканчивается третьим.

Ему казалось, что каждый человек в мире занимает отведенную только для него и ни для кого другого нишу. И не стоит даже пытаться рожденному ползать взлететь. Глупо и безрезультатно.

Носил классические костюмы, а зимой — давно вышедшую из моды шапку-ушанку и ботинки на толстой добротной подошве. Смотрел старые добрые фильмы о любви и верности. И главное, сам был верным. Это для Хабарова являлось догмой: если женился, будь верен раз и навсегда. И не расстраивался никогда от того, что проходящая мимо красивая женщина не принадлежит ему и никогда принадлежать не будет. Он воспринимал прекрасных незнакомок, как произведение искусства. Красиво — да, смотреть хочется, восторгаться, словно шедевром, выставленным в музее на обозрение. Но нельзя же все это поместить в свой дом и в свое сердце!

Ему нравилось быть со своей Маринкой и ни с кем больше. Он любил только ее. Любил трогать ее, гладить, целовать, рассматривать. Знал каждую родинку на ее теле. И никакое другое тело он так любить и ласкать не хотел. Ни к чему все это, считал Хабаров. Как оказалось, ошибочно считал. Маринка вон думает по-другому. Дескать, несовременно это. Дескать, мир сейчас стал совсем другим. А разве так это?..

— Марин, — вдруг осмелился Влад нарушить хрупкую предутреннюю тишину в их спальне. — Ты не спишь?

Она промолчала, по-прежнему лежала с на-